

Папины письма

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

О Викторе Алексеевиче Степанове я узнала в музее истории Ярославского моторного завода. На одном из стендов его фотография, несколько писем с войны и карандашный портрет маленькой девочки с очень серьезными глазами.

— Папин друг нарисовал меня с фотографии. И вот тут, видите, надпись: «Дорогая Тамуся, тебя нарисовал мой друг Александр 5 апреля 1943 года в дни Отечественной войны. Береги и не забывай. Крепко целую тебя, милая дочка моя».

В дополнение к тому, что передано в музей, Тамара Викторовна Горюнова (Степанова) принесла письма и фотографии, которые хранит дома. Мы сидим в редакции, и она рассказывает об отце то, что запомнила сама и узнала когда-то от мамы и обеих своих бабушек. А я слушаю и думаю: вот еще одна история, которая могла бы стать основой целого романа.

Степановы — москвичи. Тамарина мама выросла на 7-й Черкизовской улице, папа — на Чистых прудах. Как высококвалифицированного фрезеровщика, его прислали на Ярославский автозавод в командировку, а тут началась война. Ему дали бронь и оставили на заводе. Маму в Москве направили рыть окопы, трехлетнюю Тамару взяла бабушка, а сестренку Галю (она на три года старше) решили эвакуировать вместе с детским садом.

Объявили посадку в автобус, детки под руководством воспитателей занимали свои места, а Галя вдруг устроила настоящую истерику: кричала, плакала, выбросила из окна свою котомку. Так и оставили ее в Москве, а автобус на выходе из города попал под бомбежку, и все, кто в нем был, погибли.

...Фашисты приблизились к Москве вплотную. Степановых грузят в эшелон, отправляющийся на Урал. Они телеграфируют Виктору Алексеевичу, что поезд пойдет через Ярославль и, возможно, удастся повидаться. Но произошло это при совсем других обстоятельствах. Эшелон где-то недалеко от Всполья разбомбили. Среди убитых и раненых Виктор Степанов нашел чудом спасшихся своих: Галю, лежавшую в канаве, жену с Тамарой на руках. Все, слава богу, оказались целы.

Ему разрешили оставить семью в Ярославле. Тамара Вик-

торовна помнит приютивший их маленький деревянный домик на Вспольинском поле, хозяйку тетю Настю. Но семья воссоединилась ненадолго. Отец начал хлопотать, чтобы с него сняли бронь, и, согласно карточке из архива, которая хранится сейчас в музее, 10 мая 1942 года Виктор Алексеевич Степанов был призван в армию.

— Мама, как и в Москве, работала в Ярославле судьей. Вскоре нас поселили в одном из красных домов на Угличской, напротив тогдашнего завода «Союзперо». Ярославль часто бомбили, одна бомба упала совсем рядом с нами, но обошлось. Именно сюда, в этот самый дом, приехал однажды на побывку папа. Галя не помнит, а я все помню: как он вошел, снял свой рюкзачок. Мы, конечно, сразу к рюкзачку: что, мол, принес. А он нам весело так: «Брысь под лавку!» Помню, как стал выгружать какие-то продукты. В памяти запечатлелось, что среди прочего там была шоколадка.

Потом папа Тамары и Гали снова ушел на фронт, и от него стали приходиться письма. Первые не сохранились — то ли остались в домике у тети Насти, то ли были переправлены бабушке в Москву. Самым ранним можно считать недатированное стихотворение, полное воспоминаний об их родной Москве, недавно покинутом доме, парке в Сокольниках, «где я однажды днем июльским жарким впервые в девушку влюбился и грустил».

— Отец писал стихи и раньше, хорошо рисовал и, как я понимаю, во многом благодаря этому добился в свое время руки и сердца нашей мамы.

*Прощай, Москва,
тебя я покидаю.
Разлукой буду вдалеке*

ТОМИМ.

*Вернись ли снова я, родная,
К широкому улицам твоим?*

Подробности его фронтовой жизни неизвестны. Малейшие намеки в письмах на то, где он и что с ним, безжалостно вымараны военной цензурой. Ушел рядовым, воевал в пехоте — вот и все. Сравнивая две крошечные фотографии, сделанные между

боями, с довоенными снимками, видишь, что постарел он за это время лет на пятнадцать — значит, доставалось ему по полной. И все-таки каждый солдатский треугольник или крошечный конвертик, склеенный из серой оберточной бумаги, сообщал семье главное: жив.

А вот «от нашего Шурки писем и известий никаких нет с 18.VII.41 года, вернее, с начала войны».

— Это он о своем младшем брате Саше. Его накануне войны призвали в армию, в кавалерию, в Брест. И все. С тех пор, сколько бы его ни искали — сначала бабушка, потом моя мама, — ничего. Ответ один — пропал без вести. Бабушка ходила к гадалкам, те ей сказали, что он жив. Она и мне говорила перед смертью: «Он жив, я знаю». Но никаких данных нет.

Каждое письмо, которое приходило в дом на Угличской улице, начиналось одинаково: «Здравствуйте, дорогие Валюся, маленькие любимые детки Галюся, Тамуся...»

— Галя была у мамы от первого брака, но он не делал между нами никакого различия и очень любил обеих. Был внимательный, ласковый, таскал нас тоже вместе — меня на шее, ее на руках. И конечно, на фронте очень скучал. Когда Галя пошла в школу, она начала понемногу писать папе. Он очень радовался ее успехам.

«Я доволен от всего сердца, что дочка стала хорошо писать и не забыла про меня. Пусть пишет мне побольше. Валюся, ты сама понимаешь, когда на фронте получаешь чаще письма, особенно от дорогой семьи, то это является самым радостным».

Он очень хорошо понимал цену своих собственных писем, старался дать о себе знать при каждой малейшей возможности. «Сообщаю вам, что я пока жив, здоров... Писать мне было никак нельзя и некогда, и вот выбрал минуту свободного времени... Тебе, наверное, уже известно по газетам, что настал час расплаты с немецкими гадами и на на-

шем фронте успехи нашего наступления хорошие... Жив буду, писать буду», — листочек исписан карандашом и помечен 22.01.44.

Когда мог, присылал деньги, волновался о жите-бытье жены и дочерей.

Прошло еще полгода — по меркам войны промежуток огромный. Виктор Степанов ранен,

знаю, известили тебя или нет».

Но главная забота и тут, на больничной койке, не о себе — о семье: «Валюся, я писал в райком партии и заводской комитет о том, чтобы тебе оказали помощь. Не знаю, оказали или нет, т. к. писем от тебя давно не получаю ввиду моего выбытия из части... Как себя буду чувствовать хорошо, так пришлю тебе

ния, крепко целую, Виктор» (15.VII.44).

Это последнее письмо. Ровно через месяц он погиб. Извещение скупое на подробности: «Ваш муж, сержант Степанов Виктор Алексеевич 1913 года рождения, уроженец г. Москвы, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, 15 августа 1944 года погиб. Похоронен у окраины дер. Матей Эстонской ССР».

— Мама долго разыскивала могилу, — продолжает Тамара Викторовна. — Наконец нашла. Из военного комиссариата Эстонии сообщили, что 704-й артополк принимал участие в боевых действиях при освобождении Вырусского и Валгаского районов. Мы списались, оттуда прислали фотографию братской могилы, и в 1981 году я поехала. Это ближе к Риге, от города Валга туда ходит автобус. Вместе со мной была семья с Украины, у них там погиб сын. Встретили хорошо. Директор школы Тыну Хансович и председатель сельсовета Леохард Августович отвезли нас на поле боя. Большая такая котловина, говорят, никто в том бою не выжил. На могиле установлен памятник, все содержалось в полном порядке. Что там сейчас, конечно, сказать трудно.

«Я в последнее время стал больше скучать и думать», — читаем в одном из писем. И они, его дочери, тоже думают о нем и скучают — до сих пор.

Был бы жив, он остался бы, наверное, ими доволен. Галина пошла по стопам мамы, стала адвокатом. Тамара вышла замуж за военного и много лет ездила с места на место за ним следом. В 1978 году они вернулись в Ярославль, она поступила на ЖБК-1 и проработала там восемнадцать лет, сначала мастером, потом в производственном отделе. У нее двое внуков.

Татьяна ЕГОРОВА.

лежит в госпитале. Писать абсолютно не на чем. Никто уже не скажет, какими правдами и неправдами удалось все-таки добыть какие-то клочки бумаги. Из одного, поплотнее, склеил конвертик размером в два спичечных коробка, на другом, почти таком же, мелкие-мелкие буквы: «Я сейчас себя чувствую после ранения немного лучше, не

денег рублей 500. Опиши, какое жилье, какое питание в Ярославле» (16.06.44).

Через месяц он уже в строю, а мысли опять о том же: «Я тебе выслал 500 рублей, сообщи обязательно, получила ты их или нет, а то я беспокоюсь, квитанцию потерял... Как жизнь в Ярославле в смысле продуктов? Как твой огород? Ну пока, до свидания».